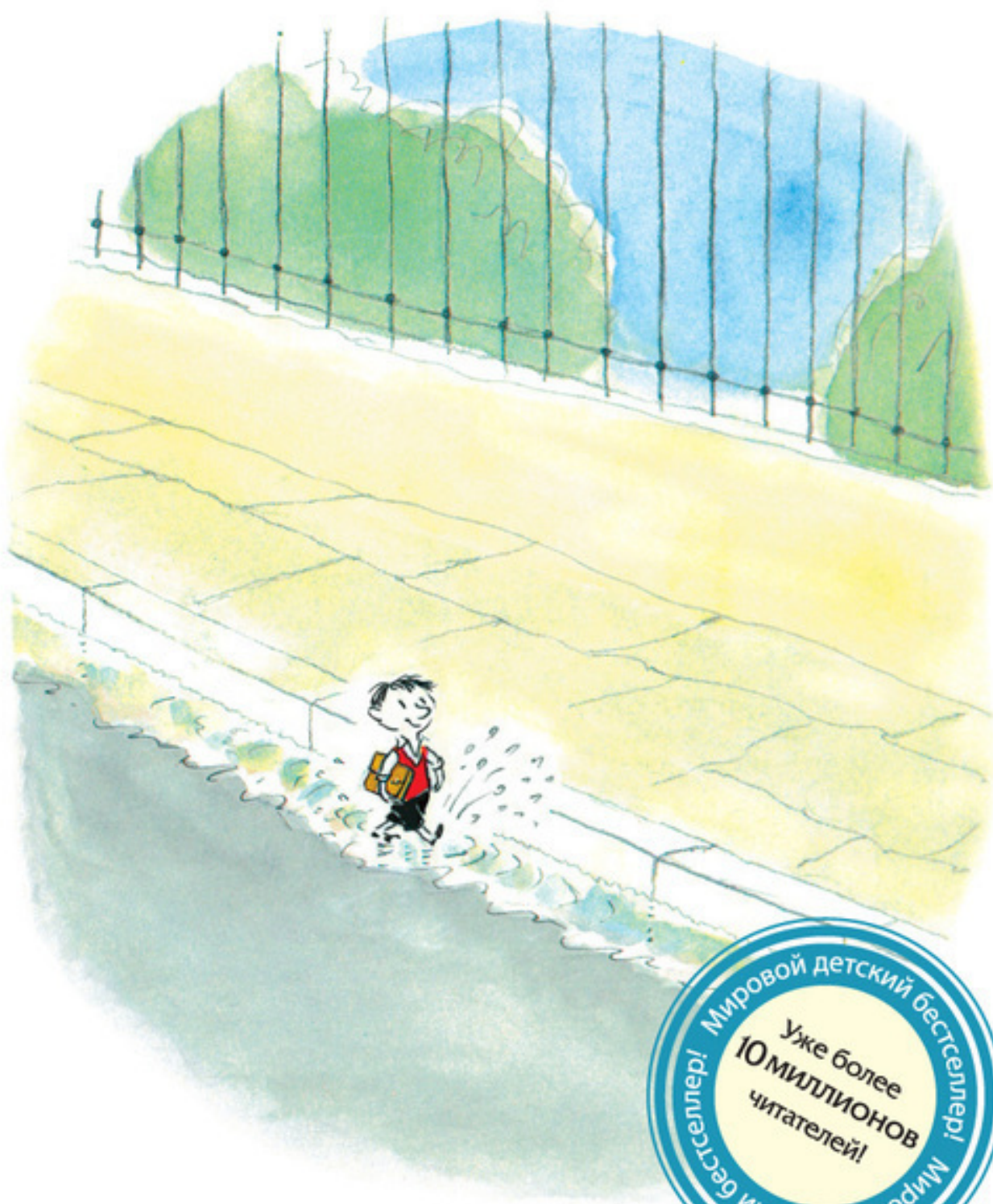

ГОСИННИ

САМПЕ

Малыш Николя

✠ Machaon

Малыш Николая

Рене Госинни

Малыш Николая

«Азбука-Аттикус»

1960

УДК 821.133.1-32-93

ББК 84(4Фра)-44

Госинни Р.

Малыш Николая / Р. Госинни — «Азбука-Аттикус»,
1960 — (Малыш Николая)

ISBN 978-5-389-12665-7

Эта история началась в далёкие пятидесятые годы прошлого века с небольших юмористических рисунков, автором которых был художник Жан-Жак Сампе. Его друг писатель Рене Госинни решил к этим рисункам написать тексты. Таким образом получились забавные рассказы-комиксы, героем которых стал малыш Николая. Этому симпатичного мальчишку юные читатели очень полюбили и с нетерпением ждали публикации очередного рассказа. Авторы сочиняли и рисовали всё новые и новые истории, и издатели решили объединить их в книжки. С тех пор прошло немало лет, но малыш Николая по-прежнему необычайно популярен и любим детьми многих стран мира. Весёлые истории об этом добром, обаятельном сорванце, о его друзьях и школе близки и понятны детям. И не важно, на каком языке они разговаривают.

УДК 821.133.1-32-93

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-12665-7

© Госинни Р., 1960

© Азбука-Аттикус, 1960

Содержание

Воспоминание, которое мы будем лелеять	6
Ковбои	12
Бульон	18
Футбол	25
Визит инспектора	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Рене Госсинни Малыш Николая

© 2013 IMAV éditions / Goscinny – Sempé

Première édition en France: 1960

Художественные образы, сюжеты придуманы Рене Госсинни и Жан-Жаком Сампе. Права на товарный знак сохранены за издательством IMAV.

© Прессман И. Л., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2016
Machaon®

* * *

Ари Амуру, крестному нашего Николая

Воспоминание, которое мы будем лелеять

Сегодня утром, когда мы пришли в школу, мы все были ужасно рады, потому что нас будут фотографировать всем классом, и это станет воспоминанием, которое мы будем лелеять всю жизнь, так нам объяснила наша учительница. А ещё она велела, чтобы мы улынулись и причесались.

В общем, когда я входил в школьный двор, то весь блестел от бриллиантина. Все ребята уже были здесь, и учительница как раз ругала Жоффруа, который нарядился в костюм марсианина. У Жоффруа очень богатый папа, и он ему покупает все игрушки, которые ему только понравятся. Жоффруа говорил учительнице, что хочет фотографироваться только в марсианском костюме, а иначе он вообще уйдёт.

Фотограф тоже уже был здесь, и учительница ему сказала, что надо всё сделать побыстрее, а то у нас пропадёт урок арифметики. Аньян, лучший ученик нашего класса и любимчик

учительницы, сказал, что было бы ужасно жаль остаться без арифметики, потому что он её очень любит и сделал все задачи. Эд – он у нас самый сильный – хотел врезать ему по носу, но Аньян носит очки, поэтому мы не можем драться с ним тогда, когда хочется. Тут учительница начала кричать, что мы невыносимы и что, если так будет продолжаться, никакого фотографирования не будет, а все сразу пойдут прямо в класс. Тогда фотограф сказал:

– Ну-ну, спокойно. Я знаю, как надо разговаривать с детьми, и всё пройдёт отлично.

Фотограф решил, что мы должны построиться в три ряда: первый ряд будет сидеть прямо на земле, второй – стоять вокруг учительницы, которая сядет на стул, а третий ряд встанет на ящики. В общем, у фотографа и правда были неплохие идеи.

За ящиками мы пошли в школьный подвал. Это было здорово, потому что там довольно темно, а Руфюс надел на голову старый мешок и кричал:

– У-у-у! Я привидение!

Потом мы увидели учительницу. Нам показалось, что она чем-то недовольна, поэтому мы быстро взяли ящики и вышли. Остался один Руфюс. Из-за того, что у него на голове был мешок, он не видел, что делается вокруг, и продолжал кричать:

– У-у-у! Я привидение! – И, когда учительница сняла с него мешок, Руфюс ужасно удивился.

Когда мы вернулись во двор, учительница выпустила ухо Руфюса и шлёпнула себя по лбу ладошкой.

– Да вы же совершенно чумазые! – сказала она.

Это была правда, потому что, пока мы валялись дурака в подвале, мы там немного испачкались. Учительница была рассержена, но фотограф ей сказал, что это не страшно и что у нас есть время умыться, пока он будет устанавливать ящики и стул для фотографирования. Из всех нас совершенно чистым был один Аньян и ещё Жоффруа, потому что у него на голове был марсианский шлем, похожий на стеклянную банку.

– Вот видите, – сказал Жоффруа учительнице, – если бы они все были одеты, как я, не было бы никаких проблем.

Я видел, что учительнице очень хотелось надрать Жоффруа уши, но они были внутри банки, и ей не за что было ухватиться. Всё-таки классная вещь этот марсианский костюм!

Мы умылись, причесались и опять вернулись во двор. Правда, все были немножко мокрые, но фотограф сказал, что это тоже не страшно и что на фотографии это будет незаметно.

– Итак, – спросил фотограф, – хотите ли вы порадовать свою учительницу?

Мы ответили, что да, потому что мы очень любим нашу учительницу, она ужасно хорошая, когда мы не выводим её из себя.

– Тогда, – сказал фотограф, – вы сейчас спокойно встанете на свои места, как это требуется для фотографии. Самые большие встанут на ящики, средние – во второй ряд, а маленькие сядут впереди.

Мы начали занимать места, а фотограф принялся объяснять учительнице, что от детей можно добиться всего, чего угодно, если проявить терпение, но учительница не смогла дослушать его до конца. Ей пришлось разнимать нас, потому что мы все хотели стоять на ящиках.

– Здесь есть только один человек по-настоящему большого роста. Это я! – кричал Эд и толкал всех, кто тоже хотел влезть на ящики.

Самым настырным был Жоффруа, поэтому Эд врезал ему по банке и сам сильно ушибся. Потом нескольким ребятам пришлось поднапрячься, чтобы стянуть с Жоффруа его банку, потому что он в ней застрял.

Учительница сказала, что предупреждает нас в последний раз, а потом будет арифметика, и мы решили вести себя хорошо и начали строиться. Жоффруа подошёл к фотографу и спросил:

– Что это у вас за аппарат?

Фотограф улыбнулся и сказал:

– Это, малыш, такой ящичек, из которого сейчас вылетит птичка.

– Староват ваш драндулет, – сказал Жоффруа. – Мне папа подарил с солнцезащитным экраном, короткофокусным и длиннофокусным объективами, ну и со светофильтрами, разумеется...

Нам показалось, что фотограф удивился. Он перестал улыбаться и велел Жоффруа встать на место.

– Хотя бы фотоэлемент-то у вас есть? – спросил у него Жоффруа.

– В последний раз повторяю, иди на своё место! – закричал фотограф, который почему-то вдруг начал ужасно нервничать.

Наконец мы все заняли свои места. Лично я сидел на земле рядом с Альцестом. Альцест – это мой друг, он очень толстый и всё время ест. Он как раз откусывал от бутерброда с джемом, и фотограф велел ему прекратить жевать, но Альцест ответил, что ему необходимо нормально питаться.

– Немедленно убери этот бутерброд! – закричала учительница, которая сидела точно позади Альцеста. Тот от неожиданности уронил бутерброд себе на рубашку.

– Ну вот вам, пожалуйста, – буркнул Альцест и попытался собрать с себя джем хлебом.

Учительница сказала, что теперь единственный выход – поставить Альцеста в последний ряд, чтобы пятна на его рубашке не было видно.

– Эд, – велела учительница, – уступи место своему товарищу.

– Он мне не товарищ, – ответил Эд, – и моего места не получит. А если ему так хочется, пусть повернётся спиной – ни пятна не будет видно, ни его жирной рожи.

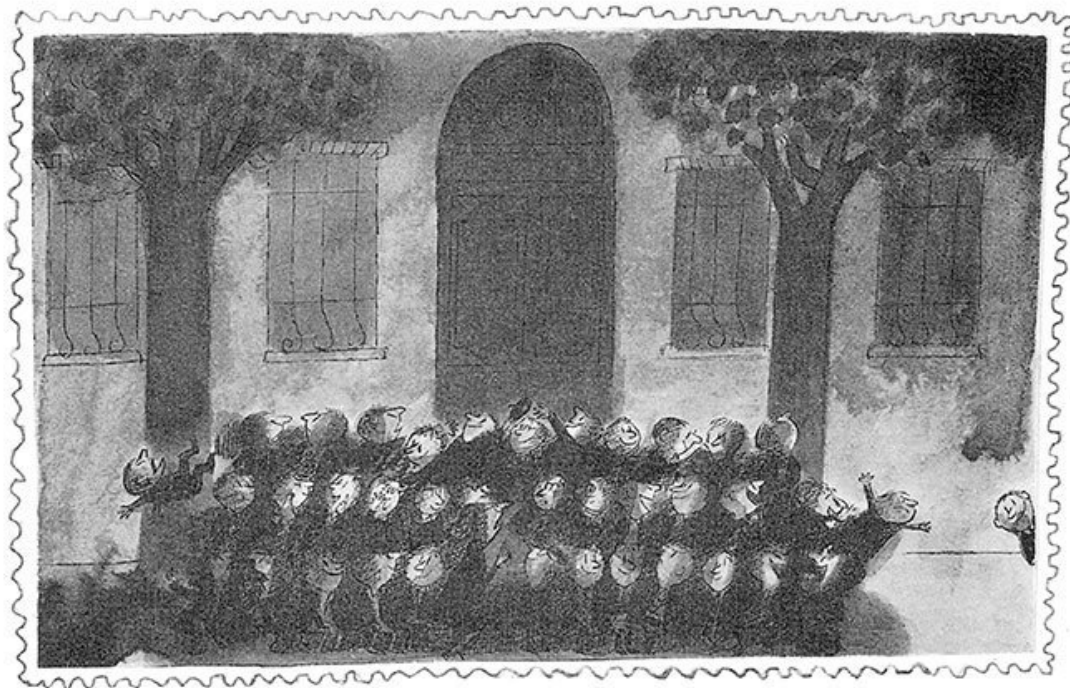
Учительница рассердилась и назначила Эду наказание: проспрягать глагол в предложении «Я не должен отказываться уступить место товарищу, который уронил себе на рубашку

бутерброд с джемом». Эд на это ничего не ответил; он нехотя слез с ящика и пошёл в первый ряд, а Альцест как раз двинулся к последнему ряду. И тут произошло вот что. Когда Эд поравнялся с Альцестом, то дал ему кулаком по носу. Альцест собирался лягнуть Эда ногой, но тот увернулся, потому что он у нас очень ловкий, и получилось, что Альцест лягнул Аньяна, но, к счастью, в такое место, где у него нет очков. Правда, Аньян всё равно заплакал и закричал, что ничего не видит, что его никто не любит и что он хочет умереть. Учительница начала его утешать, помогла ему высморкаться, потом заново причесала, а Альцеста наказала – велела ему сто раз переписать предложение: «Я не должен бить товарища, который не ищет со мной ссоры и носит очки».

– Вот и отлично, – сказал довольный Аньян.

Тогда учительница и ему задала что-то переписать, и Аньян так удивился, что даже не заплакал. Учительница стала раздавать наказания всем подряд, и нам теперь придётся переписать кучу всяких предложений. В конце концов учительница сказала:

– Теперь вы наконец угомонитесь, и, если будете вести себя прилично, я все наказания отменю. Итак, все сейчас встанут на свои места как положено, красиво улыбнутся, и мсье сделает нам отличную фотографию!

На фото: Верхний ряд слева направо: Мартен (который пошевелился), Пуло, Дюбеда, Куссиньон, Руфюс, Альдебер, Эд, Шампиньяк, Лефевр, Туссен, Шарлье, Сарико.

Средний ряд: Поль Божожоф, Жак Божожоф, Марку, Лафонтан, Лебрэн, Дюбо, Дельмон, де Фонтаньес, Мартино, Жоффруа, Меспуле, Фало, Лафажон.

Сидят внизу: Риньон, Гюйо, Аннибал, Крутсеф, Бержес, учительница, Аньян, Николя, Фариболь, Грозини, Гонзалес, Пинне, Альцест и Муивен (которого недавно выгнали).

Мы не хотели огорчать нашу учительницу, поэтому встали как положено.

Но с воспоминанием, которое мы будем лелеять всю жизнь, всё равно ничего не получится, потому что, когда всё было готово, мы увидели, что фотографа нет. Он, оказывается, уже ушёл и даже никого не предупредил.

Ковбои

Сегодня после обеда я пригласил своих друзей в гости, чтобы поиграть в ковбоев. Все пришли со своим снаряжением. У Руфюса было всё, что полагается иметь полицейскому, ему это подарил его папа: кепку, наручники, револьвер, белую палку регулировщика и свисток. На Эде была старая бойскаутская шляпа старшего брата, пояс с кучей деревянных патронов и две кобуры с обалденными револьверами, у них рукоятки сделаны из такой же кости, как та пудреница, которую папа купил маме после того, как они поссорились из-за жаркого, потому что оно пережарилось, а мама сказала, что это потому, что папа опять задержался на работе.

Альцест переделся в индейца, у него был деревянный томагавк и перья на голове, и он был похож на толстого цыплёнка, а у Жоффруа, который обожает наряжаться, был настоящий костюм ковбоя – и штаны, и кожаный жилет, и рубашка в клетку, большая шляпа, пистолеты с пистонами и шпоры с потрясающими наконечниками.

У меня самого была чёрная маска, которую мне подарили на Масленицу, ружьё, которое стреляет стрелами, и красный платок на шее – бывшая мамина косынка. Короче, вид у всех был классный!

Мы собрались в саду, и мама сказала, что позовёт нас, когда приготовит полдник.

– Хорошо, – сказал я. – Значит, так: я буду парнем на белом коне, а вы будете бандитами, и в конце я всех побеждаю.

Но все остальные со мной не согласились. Вот всегда так: когда играешь один, то скучно, а когда не один, то другие всё время затевают какие-то ссоры.

– А почему бы, например, мне не быть этим самым парнем, – спросил Эд, – и почему бы и мне тоже не иметь белую лошадь?

– С такой рожей, как у тебя, нельзя быть таким парнем, – сказал Альцест.

– Ты, индеец, заткнись, не то получишь пинка по гузке! – закричал Эд; он очень сильный и очень любит бить всех кулаком по носу, но насчёт пинка по гузке, это было что-то новенькое, хотя Альцест и правда был здорово похож на толстого цыплёнка.

– Я, во всяком случае, – сказал Руфюс, – буду шерифом.

– Шерифом? – засмеялся Жоффруа. – Где это ты видел шерифа в кепке? Просто умора! Руфюсу, у которого папа полицейский, это не понравилось.

– Мой папа, – сказал он, – носит кепку, и это никакая не умора!

– Если бы он так нарядился в Техасе, это была бы умора, – продолжал смеяться Жоффруа, и Руфюс дал ему оплеуху, а Жоффруа вынул револьвер из кобуры и закричал: – Ты пожалеешь об этом, Джо!

И тогда Руфюс съездил ему ещё раз, а Жоффруа присел на землю и сделал «паф!» из своего револьвера. Руфюс прижал руки к животу и скорчил гримасу. Потом он упал и медленно произнёс:

– Ты убил меня, койот, но я буду отомщён!

Я скакал галопом по саду, подстёгивая себя сзади, как наездники подстёгивают лошадь, и тут ко мне подошёл Эд.

– Слезай с лошади! – велел он. – Это моя белая лошадь!

– Ну нет, мсье, – сказал я ему, – я здесь у себя дома, и белая лошадь – моя.

И тогда Эд стукнул меня кулаком по носу. В это время Руфюс громко засвистел в полицейский свисток.

– Ты – конокрад, – сказал он Эду, – а у нас в Канзас-Сити конокрадов отправляют на виселицу!

Тут вмешался Альцест:

– Минуточку! Ты не имеешь права его вешать, потому что шериф – я!

– Это с каких пор, курица несчастная? – спросил Руфюс.

Вообще-то Альцест не любит драться, но тут он взял свой деревянный томагавк и ручкой – бац! – стукнул по голове Руфюса, который этого совершенно не ожидал. К счастью, на Руфюсовой голове была кепка.

– Моя кепка! Ты помял мою кепку! – закричал Руфюс и побежал за Альцестом, а я снова поскакал по саду на своём коне.

– Эй, ребята, – сказал Эд, – кончайте это! Я кое-что придумал. Мы все будем нашими, а Альцест будет из племени индейцев. Он захочет нас захватить и возьмёт кого-нибудь в плен, а потом прискачем мы, освободим пленного и победим Альцеста!

Мы все были «за», действительно, отличная мысль, но Альцест не соглашался.

– Почему это я должен быть индейцем? – возмутился Альцест.

– Потому что у тебя перья на голове, дурак! – ответил Жоффруа. – И потом, если тебе не нравится, то и не играй. В конце концов, сколько можно, ты всем уже надоел!

– Ну и ладно, раз так, то я не играю! – Альцест надулся, отошёл в угол, вынул из кармана булочку с шоколадом и начал её есть.

– Надо, чтобы он играл, – сказал Эд. – Это наш единственный индеец, а если он будет упираться, я могу его ошипать!

Альцест заявил, что, так и быть, он согласен, но при условии, что в конце он окажется хорошим индейцем.

– Ладно, ладно, – отмахнулся Жоффруа, – какой же ты всё-таки настырный!

– А кто будет пленным? – спросил я.

– Да Жоффруа, конечно, – сказал Эд. – Привяжем его к дереву бельевой верёвкой.

– С какой стати? – теперь возмутился Жоффруа. – Почему это я? Я не могу быть пленным, у меня из вас всех самый лучший костюм!

– Ну и что? – ответил Эд. – У меня вот тоже есть белая лошадь, а я ведь не порчу игру!

– Это у меня белая лошадь! – сказал я.

Эд разозлился и сказал, что белая лошадь его, а если мне это не нравится, он мне врежет по носу.

– Только попробуй! – воскликнул я.

Он попробовал, и у него получилось.

– Ни с места, Оклахома Кид! – кричал Жоффруа и стрелял во все стороны из револьвера. Руфюс свистел в свисток и тоже кричал:

– Эй, я шериф, я вас всех арестую!

А Альцест бил его своим томагавком по кепке и орал, что берёт его в плен, но Руфюс разозлился, потому что его свисток упал в траву, а я плакал и говорил Эду, что я у себя дома и не хочу больше его здесь видеть. Все кричали, это было здорово, и всем было ужасно весело.

Потом из дома вышел папа. Вид у него был недовольный.

– Эй, ребята, что это за грохот, вы что, не можете нормально играть?

– Это из-за Жоффруа, мсье, он не хочет сдаваться в плен! – объяснил Эд.

– Хочешь по морде получить? – спросил Жоффруа, и они опять начали драться, но папа их разнял.

– Ребята, – сказал он, – я сейчас вам покажу, как надо играть. Я сам буду пленным!

Мы ужасно обрадовались! Классный у меня папа. Только мы успели привязать его к дереву бельевой верёвкой, как увидели, что через изгородь к нам перепрыгнул мсье Бледур.

Мсье Бледур – это наш сосед, он очень любит дразнить моего папу.

– Я тоже хочу играть, я буду краснокожим Упрямым Быком!

– Иди отсюда, Бледур, тебя никто не звал! – сказал ему папа.

Но мсье Бледур тоже классный; он встал перед папой, скрестил руки на груди и приказал:

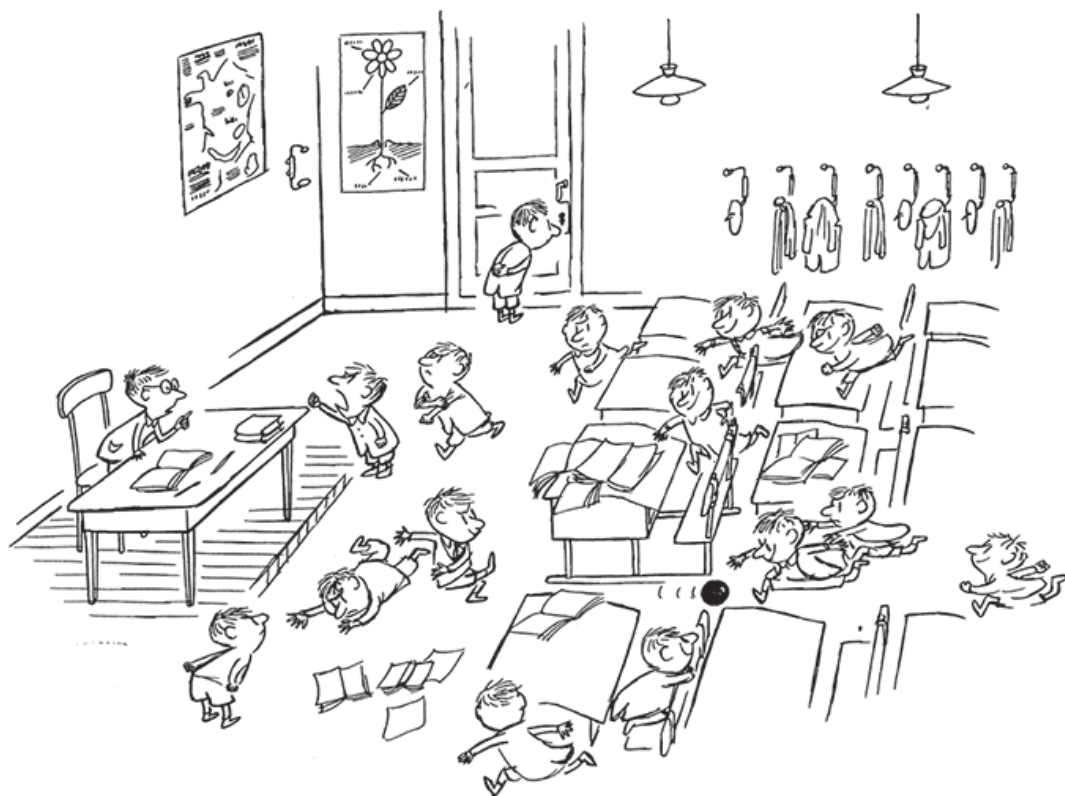
– Пусть этот бледнолицый попридержит свой язык!

Папа изо всех сил старался отвязаться, а мсье Бледур начал танцевать вокруг дерева и кричать на разные голоса. Нам, конечно, очень хотелось остаться подольше и посмотреть, как играют и валяют дурака папа и мсье Бледур, но мы не могли, потому что мама позвала нас на полдник, а потом мы пошли ко мне в комнату играть в электрическую железную дорогу. Но я даже не представлял себе, что папа так сильно любит играть в ковбоев. Когда вечером мы снова спустились в сад, мсье Бледур уже давно ушёл, а папа всё ещё был привязан к дереву, кричал и строил рожи.

Здорово всё-таки, когда умеешь вот так играть сам с собой!

Бульон

Сегодня нашей учительницы не было в школе. Мы как раз строились во дворе, чтобы войти в класс, и тут наш воспитатель, мсье Дюбон, сказал:

– Сегодня вашей учительницы не будет, она заболела.

Потом мсье Дюбон проводил нас в класс. Мы зовём нашего воспитателя Бульоном, когда его нет поблизости, конечно. Мы его так зовём, потому что он всё время говорит: «Посмотрите мне в глаза», а в бульоне есть глазки. Я тоже не сразу догадался, это мне потом старшие ребята объяснили. У Бульона большие усы, он часто всех наказывает, и с ним шутки плохи. Поэтому мы огорчились, что он будет за нами присматривать, но, к счастью, когда мы пришли в класс, он нам сказал:

– Я не могу остаться с вами, мне надо поработать с господином директором, поэтому посмотрите мне в глаза и дайте обещание, что будете хорошо себя вести.

Мы все посмотрели и пообещали. Но вообще-то мы всегда хорошо себя ведём.

Но он, то есть Бульон, кажется, не слишком-то нам поверил и спросил, кто у нас в классе лучший ученик.

– Это я, мсье! – сказал Аньян ужасно гордо.

– Хорошо, – сказал Бульон, – ты сядешь на место учительницы и будешь следить за порядком в классе. А я буду время от времени заходить, чтобы взглянуть, как у вас дела. Повторяйте уроки.

Аньян очень обрадовался. Он уселся за учительский стол, а Бульон ушёл.

– Так, – сказал Аньян, – у нас должна была быть арифметика. Открывайте тетради, будем решать задачу.

– С ума сошёл? – спросил Клотер.

– Клотер, прекрати болтать! – закричал Аньян, который, кажется, на самом деле вообразил себя учительницей.

– Иди сюда и повтори мне это, если ты мужчина! – сказал Клотер, но тут дверь класса открылась, и вошёл Бульон, ужасно довольный.

– Ага! – воскликнул он. – А я ведь специально задержался за дверью, чтобы послушать. Эй, ты, посмотри-ка мне в глаза!

Клотер посмотрел, но то, что он там увидел, кажется, ему не очень понравилось.

– Ты проспрягаешь глагол в предложении «Я не должен грубить своему товарищу, которому поручено за мной присматривать и который хочет, чтобы я решал задачи по арифметике».

Сказав всё это, Бульон вышел, но пообещал, что ещё вернётся.

Жоаким предложил посторожить у двери, и мы все были согласны, кроме Аньяна, который кричал:

– Жоаким, вернись на своё место!

Но Жоаким показал Аньяну язык, сел у двери и стал смотреть в замочную скважину.

– Никого нет, Жоаким? – спросил Клотер.

Жоаким ответил, что ничего не видит. Тогда Клотер встал и сказал, что теперь заставит Аньяна съесть свой учебник по арифметике, и это вообще-то была неплохая идея, но Аньяну она не понравилась, и он закричал:

– Нет! У меня очки!

– И их ты тоже съешь! – заявил Клотер, которому хотелось, чтобы Аньян обязательно что-нибудь съел.

Но тут Жоффруа сказал, что, вместо того чтобы терять время на ерунду, лучше уж поиграть в мяч.

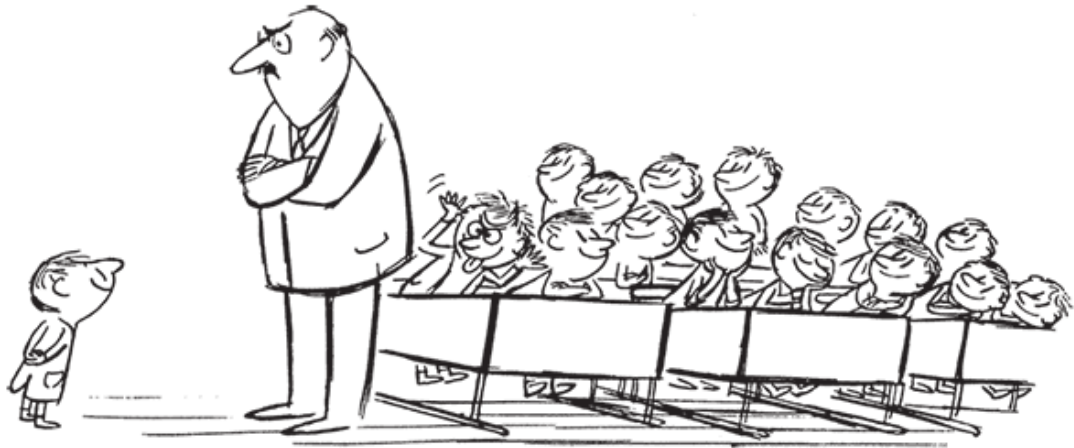
– А как же задачи? – спросил Аньян, очень недовольный, но мы не обратили на него внимания и стали пасовать, и это было очень здорово – играть в мяч между партами.

Когда я вырасту, обязательно куплю себе целый класс, специально, чтобы в нём можно было играть. Потом раздался крик, и мы увидели, что Жоаким сидит на полу и держится руками за нос. Это всё из-за Бульона, который как раз открыл дверь, а Жоаким, наверное, не заметил, когда он подошёл.

– Что с тобой? – спросил Бульон, ужасно удивлённый, но Жоаким ничего не ответил, он только всё ойкал, и тогда Бульон взял его на руки и куда-то унёс.

Мы подобрали мячик и расселись по местам.

Когда Бульон снова вернулся вместе с Жоакимом, у которого нос совсем распух, то сказал, что всё это ему начинает надоедать и что, если так будет продолжаться, нам придётся пенять на себя.

– Почему вы не берёте пример со своего товарища Аньяна? – спросил он. – Вот он действительно хорошо себя ведёт.

И Бульон опять ушёл. Мы спросили у Жоакима, что с ним случилось, и он объяснил, что заснул, пока смотрел в замочную скважину.

– Один фермер отправился на базар, – опять завёл своё Аньян, – в корзине у него двадцать восемь яиц по пять франков за дюжину...

– Это всё из-за тебя, эта история с носом! – оборвал его Жоаким.

– Вот именно! – согласился Клотер. – Ну ничего, сейчас он у нас съест свой задачник вместе с фермером, яйцами и очками!

Аньян заплакал и сказал, что мы плохие, что он всё расскажет своим родителям и что они сделают так, чтобы нас всех выгнали, и в этот момент Бульон опять открыл дверь. Мы молча сидели на своих местах, и Бульон посмотрел на Аньяна, который один рыдал за учительским столом.

– Ну что, – сказал Бульон, – теперь вы нарушаете дисциплину? Вы меня просто сведёте с ума! Всякий раз, когда я захожу, кто-нибудь из вас обязательно валяет дурака! Посмотрите все мне в глаза! Если в следующий раз я зайду и замечу, что что-нибудь не так, то приму строгие меры!

И он снова ушёл. Мы подумали, что сейчас в самом деле неподходящий момент, чтобы валять дурака, потому что от нашего воспитателя, когда он в плохом настроении, может быть куча неприятностей. Мы больше не шевелились, и было слышно только, как всхлипывает Аньян и жуёт Альцест.

А потом со стороны двери послышался какой-то совсем тихий звук. Ручка двери очень медленно повернулась, дверь скрипнула и начала потихоньку открываться. Мы все смотрели, почти не дыша, и даже Альцест перестал жевать. И вдруг кто-то как крикнет:

– Это Бульон!

Дверь распахнулась, и в класс влетел Бульон. Он был весь красный.

– Кто это сказал? – закричал он.

– Это Николя! – ответил Аньян.

– Неправда, подлый лжец! – И это была правда, что это была неправда, потому что тот, кто это сказал, был на самом деле Руфюс.

– Это ты! Это ты! Это ты! – крикнул Анян и снова заплакал.

– Останешься после уроков! – сказал мне Бульон.

Тогда я тоже заплакал и сказал, что это несправедливо и что я брошу школу и все об этом ещё пожалеют.

– Это не он, мсье, это Анян сказал «Бульон»! – закричал Руфюс.

– Это не я, я не говорил «Бульон»! – в ответ закричал Анян.

– Ты сказал «Бульон», я слышал, как ты сказал «Бульон», совершенно точно «Бульон»!

– Прекрасно, тем лучше, – сказал Бульон. – После уроков останутся все!

– При чём здесь я? – спросил Альцест. – Лично я не говорил «Бульон»!

– Я не желаю больше слышать эту отвратительную кличку, вам ясно? – закричал Бульон, который, кажется, очень разволновался.

– Я не останусь после уроков! – Анян заплакал, упал на пол и стал по нему кататься и икать, и сделался сначала весь красный, а потом совершенно синий.

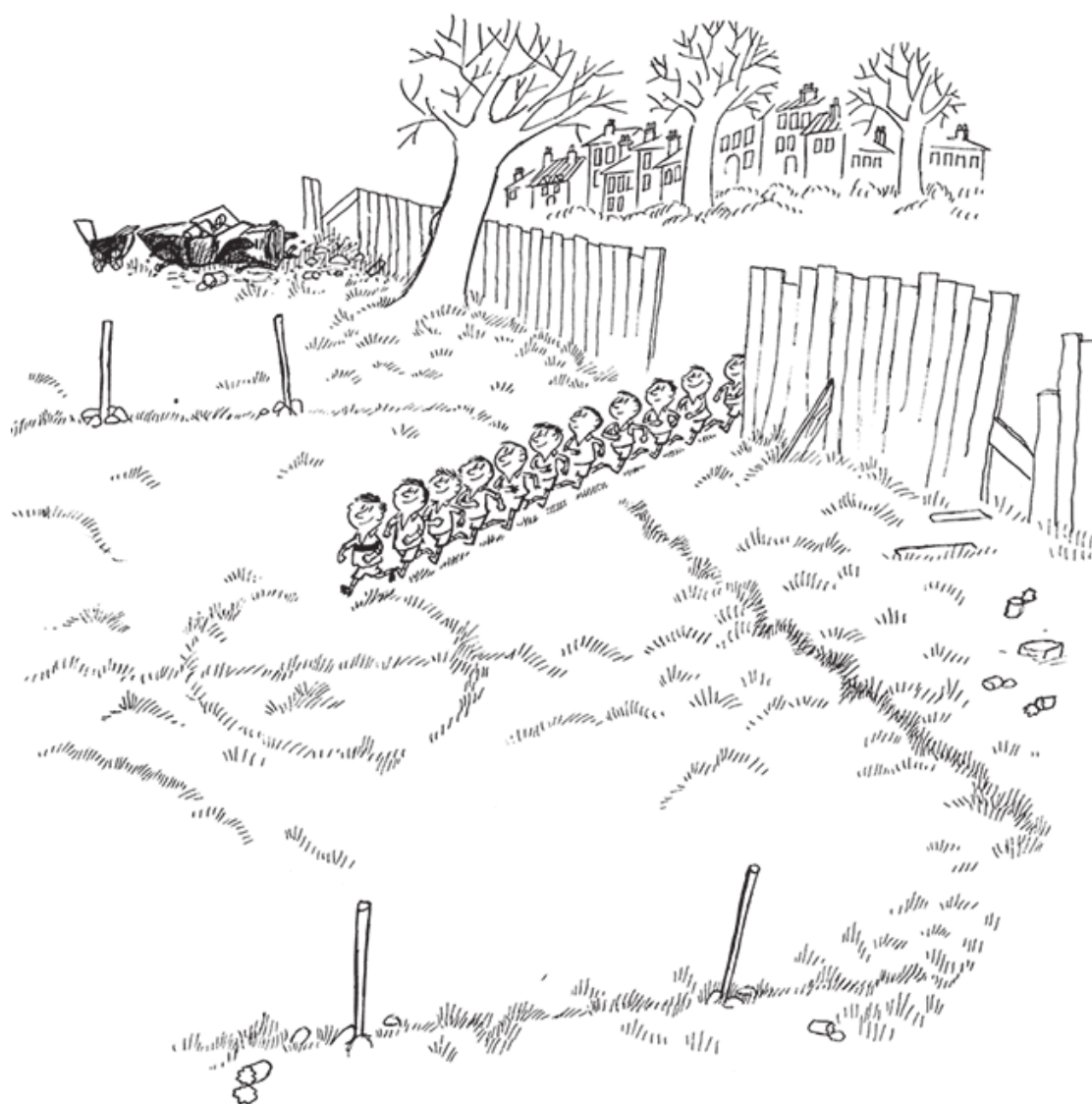
В общем-то, в классе почти все что-нибудь кричали или плакали, и мне даже показалось, что и Бульон тоже собирается заплакать, но в этот момент вошёл директор.

– Что здесь происходит, Буль... мсье Дюбон? – спросил директор.

– Не знаю, господин директор, – ответил Бульон. – Один катается по полу, у другого из носа течёт кровь, когда я открываю дверь, остальные орут; я никогда в жизни не видел ничего подобного. Никогда. – И Бульон схватился за волосы, а его усы сами собой задвигались в разные стороны.

На следующий день наша учительница вернулась, но Бульон почему-то не пришёл.

Футбол

Альцест назначил встречу всем ребятам из нашего класса после обеда на пустыре, недалеко от дома. Он нас позвал, потому что его папа подарил ему совершенно новый футбольный мяч, и мы собирались сыграть замечательный матч. Отличный парень, наш Альцест.

Мы встретились на пустыре в три часа, и нас было ровно восемнадцать человек. Надо было решить, как разделить на команды, чтобы с каждой стороны получилось поровну игроков.

Что касается судьи, с этим всё было просто. Судьёй мы выбрали Аньяна. Из-за того, что он носит очки, с ним нельзя драться, а для судьи это как раз подходит. И потом, ни одна команда не хотела брать к себе Аньяна, потому что он не очень сильный и вообще плакса. Но когда Аньян попросил дать ему свисток, мы немного поспорили. Единственный из нас, у кого есть свисток, – это Руфюс, у которого папа полицейский.

– Я не могу тебе одолжить мой свисток, – сказал Руфюс, – это семейная реликвия.

Тут возразить было нечего. В конце концов мы решили, что Аньян будет предупреждать Руфюса, когда надо свистеть, а свистеть Руфюс будет сам.

– Ну что? Мы играть-то когда-нибудь начнём? Я уже есть хочу! – закричал Альцест.

Но тут оказалось, что всё не так просто, потому что если Аньян будет судьёй, то остаётся всего семнадцать игроков, и, когда мы пробовали поделиться пополам, оставался один лишний. Тогда мы придумали такую вещь: пусть кто-нибудь будет судьёй на линии, чтобы размахивать красным флажком, когда мяч улетит с поля. Мы выбрали Мексана. Один судья на линии, конечно, это не так уж и много, чтобы следить за целым полем, но Мексан очень быстро бегают, у него ноги ужасно длинные и худые, с громадными грязными коленками. Мексан и слышать ничего не хотел, потому что собирался сам играть в мяч, к тому же, сказал он, у него нет флажка. Но потом он всё-таки согласился побыть судьёй на линии в первом тайме. Что касается флажка, он решил размахивать своим носовым платком. Платок был не очень чистым, но ведь Мексан же не мог знать, когда выходил из дома, что придётся его использовать вместо флажка.

– Ну что, начинаем? – опять закричал Альцест.

После этого дело пошло быстрее, потому что осталось только шестнадцать игроков.

Ещё каждой команде нужен был капитан. Капитанами хотели быть все. Все, кроме Альцеста, который хотел быть вратарём, потому что он не любит бегать. Мы, конечно, были согласны, потому что Альцест здорово подходит на роль вратаря: он такой толстый, что очень хорошо

загораживает ворота. Но всё равно оставалось ещё пятнадцать капитанов, то есть довольно много лишних.

– Я самый сильный, – кричал Эд, – и я должен быть капитаном, а все, кто не согласен, получат в нос!

– Я капитан, у меня самый лучший костюм! – закричал Жоффруа, и Эд стукнул его кулаком по носу.

Это правда, что у Жоффруа самый хороший костюм, потому что его богатый папа купил ему полное футбольное снаряжение, даже сине-бело-красную¹ футболку.

– Если меня не назначат капитаном, – пригрозил Руфюс, – я позову своего папу, и он вас всех посадит в тюрьму!

Тогда мне пришла в голову мысль сыграть в орёл или решку. Получилось, что мы бросали монетку два раза, потому что сначала она потерялась в траве и мы её так и не нашли. Это была монета Жоакима, он нам её одолжил для жеребьёвки, и ему совсем не понравилось, когда она пропала. Он бросился её искать, хотя Жоффруа ему сразу пообещал, что его папа пришлёт ему чек, чтобы компенсировать расходы. В конце концов в капитаны выбрали Жоффруа и меня.

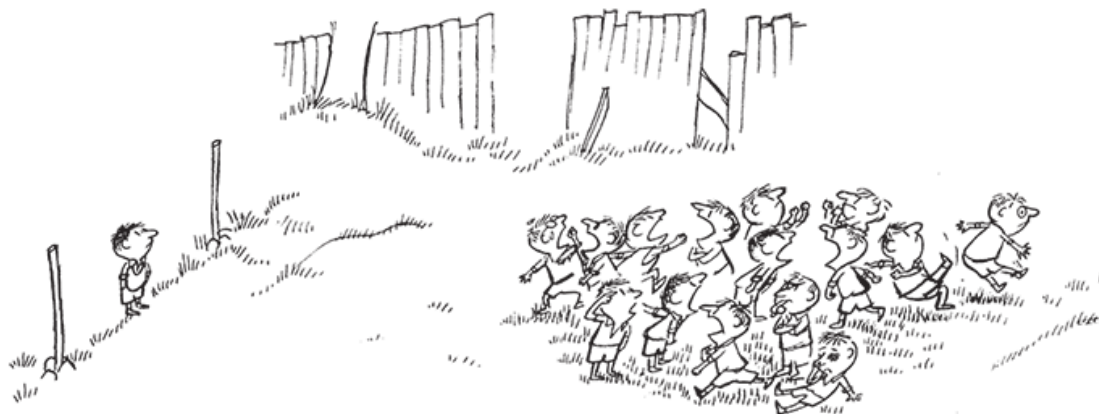
– Эй, я не собираюсь опаздывать на полдник! – крикнул Альцест. – Мы будем играть или нет?

Но надо было ещё разделить на команды. Со всеми всё прошло гладко, кроме Эда. Мы с Жоффруа оба хотели заполучить Эда в свои команды, потому что, когда он бежит с мячом, его никто никогда не останавливает. Вообще-то он не очень хорошо играет, но зато его все боятся. У Жоакима настроение было уже получше, потому что он нашёл свою монету, и тогда мы её у него попросили ещё раз, чтобы бросить жребий на Эда, и монетка снова потерялась. На этот раз Жоаким ужасно разозлился и опять принялся её искать, а на Эда нам пришлось тянуть соломинку, и Жоффруа выиграл. Жоффруа назначил Эда вратарём: он подумал, что теперь никто не посмеет даже близко подойти к воротам, а уж попасть в них мячом – тем более, потому что Эд очень обидчивый.

Альцест ел печенье, сидя между двумя камешками, обозначавшими его ворота. Вид у него был недовольный.

– Эй, – крикнул он, – вы вообще-то начнёте когда-нибудь или нет?

¹ Цвета французского государственного флага.

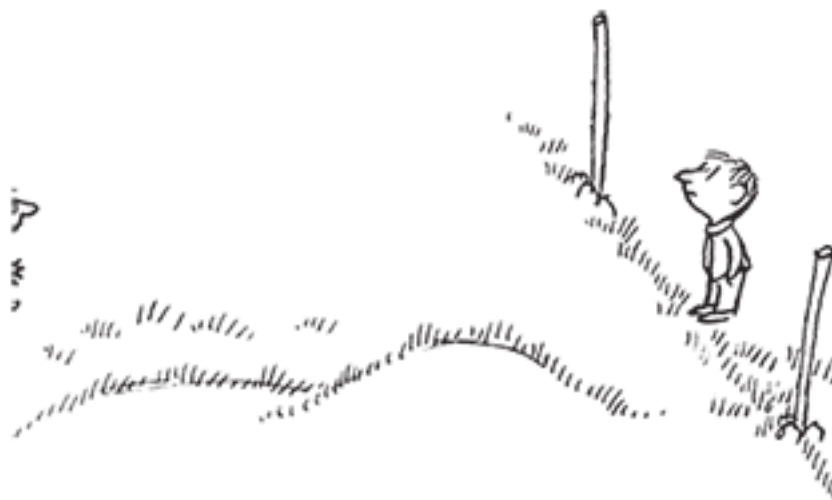
Но надо было ещё распределиться по полю. Из-за того, что у нас было всего по семь игроков с каждой стороны, не считая вратарей, это тоже оказалось не так-то просто. В обеих командах начался спор. Очень многие хотели играть передними нападающими. Жоаким хотел быть задним защитником, но это потому, что его монетка упала как раз в том углу, и он собирался одновременно играть и продолжать её искать.

В команде Жоффруа всё быстро наладилось, потому что Эд много кому врезал, и после этого все игроки без всяких споров встали на свои места, потирая носы. Всё-таки у Эда классный удар!

В моей команде мы всё никак не могли договориться до тех пор, пока Эд не сказал, что сейчас придёт и врежет по носу и нашим тоже. После этого все встали куда надо.

Аньян велел Руфюсу: «Свисти!» – и Руфюс, который играл у меня в команде, свистнул вбрасывание. Но Жоффруа был недоволен. Он сказал:

– Это нечестно! Нам солнце прямо в глаза! С какой стати моя команда должна играть с плохой стороны поля!

Я ему ответил, что, если ему так не нравится солнце, он может закрыть глаза и что с закрытыми глазами он, может быть, будет играть даже лучше, чем с открытыми. Тут мы подрались, и Руфюс засвистел в свой свисток.

– Я не давал приказа свистеть! – закричал Аньян. – Это я судья!

Руфюсу это не понравилось, и он сказал, что ему не требуется разрешение Аньяна, чтобы свистеть, и что он будет свистеть, когда ему захочется, вот так. И он начал свистеть как сумасшедший.

– Гад ты всё-таки! – крикнул Аньян и разревелся.

– Эй, ребята! – позвал Альцест из своих ворот.

Но его никто не слушал. Я продолжал драться с Жоффруа и разорвал его красивую сине-бело-красную футболку, а он сначала кричал:

– Ха-ха-ха! Подумаешь! Мой папа купит мне ещё кучу таких! – а потом двинул мне ногой по щиколотке.

Руфюс бегал за Аньяном, который вопил:

– У меня очки! У меня очки!

Жоаким ни на кого не обращал внимания, он всё ещё искал свою монетку и никак не мог найти. Эду, который спокойно стоял в своих воротах, всё это надоело, и он начал колотить кулаком по тем носам, которые были ближе к нему, то есть по носам своей собственной команды. Все бегали и орали. Было здорово весело, просто классно!

– Эй, ребята, кончайте! – снова крикнул Альцест.

Тогда Эд рассердился:

– Тебе же хотелось скорее играть. Ну вот, все и играют, а если хочешь что-то сказать, подожди, пока кончится первый тайм!

– Первый тайм чего? – спросил Альцест. – Я только что вспомнил, что мяча-то у нас нет, я его дома забыл!

Визит инспектора

Когда учительница вошла в класс, было видно, что она ужасно нервничает.

– В школу приехал господин инспектор, – сказала она нам. – Я надеюсь, что вы будете вести себя прилично и произведёте на него хорошее впечатление.

Мы, конечно, пообещали, что будем хорошо себя вести, но вообще-то учительница напрасно беспокоилась, потому что мы почти всегда ведём себя хорошо.

– Обращаю ваше внимание на то, – продолжила она, – что это новый инспектор. Старый к вам уже привык, но он ушёл на пенсию...

А потом она дала нам целую кучу всяких указаний, запретила разговаривать, если нас не спрашивают, смеяться без разрешения и попросила не ронять шарики, как в прошлый раз, когда инспектор приехал и шлёпнулся на пол, и ещё попросила Альцеста прекратить жевать, когда инспектор войдёт в класс, и сказала Клотеру, который у нас самый отстающий, чтобы он постарался поменьше попадаться на глаза. Иногда мне кажется, что наша учительница просто принимает нас за дурачков. Но мы всё равно её очень любим и, конечно, пообещали ей всё, что она хотела. Ещё она проверила, как в классе обстоит дело с чистотой, и сказала, что класс, кажется, выглядит чище, чем некоторые из нас. А потом она попросила Аньяна налить в чернильницы чернил – на случай, если инспектор захочет устроить нам диктант.

Аньян взял большую бутылку чернил и как раз собирался начать с первой парты, где сидят Сирилл и Жоаким, когда кто-то крикнул:

– Инспектор идёт!

Аньян так испугался, что облил чернилами всю парту. Но это была шутка, никакого инспектора не было, и учительница очень рассердилась:

– Я видела, это кричал ты, Клотер! Очень глупая шутка. Отправляйся в угол!

Клотер заплакал и сказал, что если он будет стоять в углу, то сразу же бросится в глаза, и инспектор задаст ему кучу вопросов, а он совершенно ничего не знает и будет плакать, и вообще это была никакая не шутка, потому что он видел, как инспектор шёл по двору вместе с директором, и это была правда, и учительница сказала, что ладно, на этот раз – так и быть.

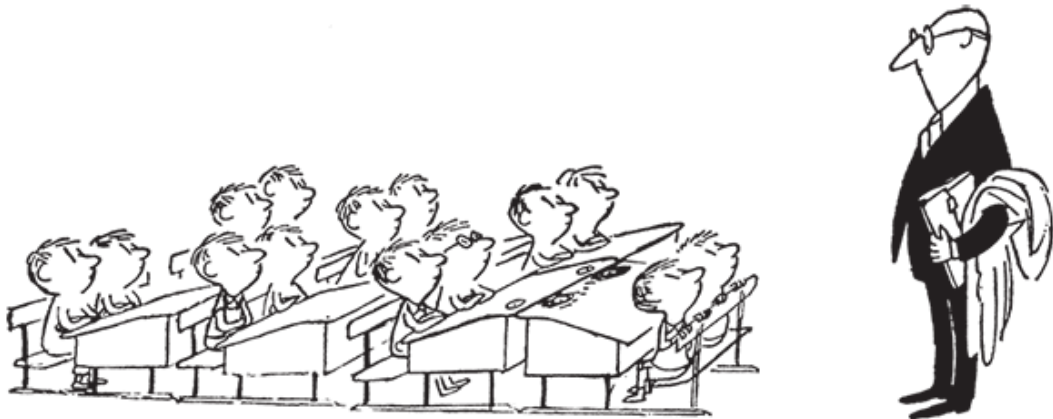
Плохо, что вся первая парта была в чернилах, и тогда учительница сказала, что надо переставить её в последний ряд, чтобы не было видно. Мы тут же взялись за дело, и это было здорово, потому что мы начали двигать сразу все парты, и всем было очень весело, когда в класс вошли инспектор и директор.

Нам даже не пришлось вставать, потому что мы и так уже были на ногах, но всё-таки они застали нас врасплох, и мы очень удивились.

– Это наши малыши, они... они немного несобранные, – сказал директор.

– Я вижу, – кивнул инспектор. – Садитесь, дети.

Мы сразу сели, но первую парту всё-таки уже успели развернуть, чтобы её передвинуть, и Сирилл и Жоаким теперь сидели спиной к доске. Инспектор посмотрел на учительницу и спросил, всегда ли эти ученики располагаются в классе таким образом. У учительницы сделалось лицо, как у Клотера, когда его вызывают к доске, но она, правда, не заплакала.

– Небольшое недоразумение... – пробормотала она.

У инспектора был не слишком довольный вид и огромные брови, налезавшие прямо на глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.